

18+

Магда Трибунская

Четырнадцатый участок

Магда Трибунская

Четырнадцатый участок

«Издательские решения»

Трибунская М.

Четырнадцатый участок / М. Трибунская — «Издательские решения»,

Что страшнее... Не иметь таланта или прожить жизнь с ощущением, что он никому не нужен? На старом кладбище встречаются молодой сторож, начинающая актриса и давно умерший артист. Их невозможный разговор становится историей о надежде, призвании и людях, которые по-разному учатся выдерживать тишину.

Содержание

«Четырнадцатый участок»	6
I	6
II	7
III	9
IV	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Четырнадцатый участок

Магда Трибунская

© Магда Трибунская, 2026

ISBN 978-5-0070-8814-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Четырнадцатый участок»

Посвящается человеку, который оставил после себя не только роли, но и след в чужих жизнях

I

Ветер гнал рваные тучи, бросая на стройплощадку то резкие тени, то слепящие полосы света. Запах разогретого битума, речной сырости и металлической пыли врезался в лёгкие. Вячеслав, придерживая каской край плотной бумаги, в сотый раз сверял чертежи с тем, что выросло из земли на противоположном берегу.

— Вячеслав Сергеевич! — голос прорезал грохот копра. К нему, лавируя между лужами, энергично шагал инвестор. Дорогой плащ, забрызганный грязью и лицо человека, привыкшего отсчитывать секунды, а не тонны бетона.

— Ну что, красота? — без приветствия начал инвестор. — Любуемся? А у меня тут сроки! Они как поезд уходят, и билеты невозвратные.

Вячеслав медленно свернул чертежи в трубку и только потом повернулся. На его лице читалась каменная решимость.

— Павел Викторович, бетон не терпит суеты. Ему всё равно на ваши кредитные линии. Ему нужно время, чтобы встать.

— Время? — инвестор нервно рассмеялся. — Время — это деньги, которые мы теряем! Если мы не сдадим мост к сроку, финансирование прекратится. Деньги сгорят!

— А если мы его сдадим к сроку, — спокойно и весомо произнёс Вячеслав, — но он рухнет в реку вместе с людьми, что тогда скажете инвесторам? Что мы уложились в график?

Инвестор поперхнулся воздухом, лицо пошло красными пятнами. Он сделал паузу, прищурился и посмотрел на инженера с холодным любопытством человека, который только что нащупал слабое место противника.

— Слушай, Слава, — вдруг перешел на «ты» инвестор, понизив голос. — Я смотрю, ты не просто так уперся. У тебя что, был неудачный проект? Горел уже так? — он пренебрежительно поморщился, слова начали звучать наездом. — О таком заранее говорят, Слав.

Вячеслав замер. Вопрос повис в воздухе, смешиваясь с запахом солянки и речной воды. Он смотрел куда-то мимо инвестора, на опору, уходящую в небо, но видел явно не её. Глаза его стали жесткими.

— Горел не проект, — тихо ответил он — Человек.

Инвестор не понял. Поморщился, переспросил:

— Чё?

Пауза затянулась. Где-то вдалеке взревел двигатель самосвала, но здесь, на пятачке глины, время словно остановилось.

— Он спешил. — голос Вячеслава звучал ровно, без эмоций, отчего мурашки шли по коже.

Инвестор открыл было рот, но тут же закрыл. Снова разворачивая чертежи, Вячеслав вернулся в реальность.

— Работы идут в штатном режиме, согласно моим корректировкам. Другого режима не будет. Хотите забрать деньги — забирайте. Но мост я вам на авось не отдам.

Вдалеке глухо лязгнул металл. Так же когда-то лязгали ворота кладбища. А после всегда становилось слишком тихо.

II

Тишина здесь была особенная. Не та, что бывает в лесу под трели птиц или в заброшенном доме, где всё дышит проседающими сваями. Здесь тишина давила. Слишком плотная, слишком тяжелая, будто её утрамбовали с землёй поверх каждого гроба. И лишь изредка заблудшая ворона нарушала тишину, когда под тяжестью её тушки ломалась сухая ветка давно погибшего вяза. Она истошно издавала «кааааар» и улетала прочь.

Слава почувствовал сразу особенность кладбищенской тишины, как только переступил порог будки в первое рабочее утро. Сейчас, спустя две недели, он почти привык. Почти научился не вздрагивать, когда ветер хлопал ставней или гравий скрипел под несуществующими шагами.

— Ууу... — протянул Михаил Петрович, разглядывая его из-под козырька кепки. Голос у сторожа был низкий, с хрипотцой, прокуренный насквозь вместе с лёгкими. — Бледный такой! Да в гроб краше кладут! — ухмыльнулся он.

Слава поднял глаза только на секунду, ровно настолько, чтобы обозначить: слышу. Встретиться взглядом с этой понимающей, чуть насмешливой улыбкой не хотелось. Он и сам знал, что вид у него ещё тот: бледная кожа, синева под глазами, затравленный взгляд человека, который плохо спит и почти ничего не ест.

— Да я это... — он немного передёрнулся, словно вспомнил, зачем он здесь и хрупкий баланс его мира пошатнулся. Подтянув воротник джинсовки к ушам, тихо выдавил — Привыкну, Михаил Петрович, привыкну.

— Привыкнет он, — хмыкнул старик.

Хриплый смешок прокатился по будке, отразился от голых стен, вернулся глухим эхом. Михаил Петрович работал на кладбище так давно, что никто уже и не помнил, когда его не было. Сторож здесь всегда, как эти железные кресты, как гранитные надгробья тихо говорящие о себе блёклыми фотографиями, как старая берёза у входа, что протяжно постанывает от лёгкого ветра по ночам. Он был здесь всем: и могилу копает, если попросят, и любителей острых ощущений разгонит той же лопатой. Самогону нальёт, если видит, что человеку надо. В общем, неотъемлемый атрибут.

— Ладно, Слав, — старик закинул лопату на левое плечо, отточенным годами движением, — только не суеверничай мне тут. А то знаю я вас, молодых. Ночью каждый куст покойником кажется.

Шагнув к двери, на секунду задумался, обернулся:

— И это... Муську не выгоняй. Она тут главная, понял?

Дверь распахнулась и сразу громко захлопнулась за сторожем, в помещение ворвался плевок свежего воздуха.

Чёрная кошка даже ухом не повела, свернувшись плотным калачиком, продолжала лежать на краю стола, поверх старых газет и грелась под тонким лучиком солнца, что пробивался через замызанное, давно не мытое окно. Луч выхватывал из полумрака танцующие пылинки, и в этом свете кошка казалась не живым существом, а частью кладбища, таким же естественным, как могильные плиты.

Слава проводил взглядом удаляющуюся фигуру сторожа. Скрип гравия стих, и тишина снова сомкнулась.

Он оглядел будку. Печка-буржуйка в углу, три ящика из-под патронов, приспособленные под табуретки, стол из девяностых, застеленный газетами, над столом на единственном гвозде висело радио. Напротив, у стены телевизор и старый топчан, застеленный покрывалом из лоскутков, на стене выцветший календарь с девушкой в купальнике. И этот запах сырого дерева, махорки и ещё чего-то неуловимого, сладковато-землистого.

«Сложно чувствовать себя одиноким на безлюдном погосте среди нескольких сотен погребённых».

Мысль пришла неожиданно и заставила поёжиться. Слава передёрнул плечами, будто стряхивая с себя что-то липкое, невидимое.

Никогда бы он не согласился на эту чёртову работу, если бы не деньги.

III

За окном ярко светило полуденное солнце. Странное дело... на кладбище оно иное. Не такое, как в городе. Здесь его лучи не грели, а подчеркивали: пыльный гранит, выцветшие лица на фото под стеклом.

Слава кинул взгляд в окно, заметил, как в ворота вошла хрупкая белокурая девушка.

Она двигалась не так, как обычные посетители: медленно, с опущенными головами, останавливались, крестились, искали нужный участок. Эта шла уверенно, словно по проторенной тропе. Ноги знали дорогу.

Её тонкие пальцы крепко сжимали букет кустовых бордовых роз с мелкими плотными бутонами. Дорогие, таких не продают тётушки у входа по сто рублей.

Слава проводил её взглядом. Что-то было в её походке не от мира сего. Лёгкая, почти невесомая, но при этом будто тащится за ней шлейфом невидимый груз.

— Опять, — раздалось сзади.

Молодой человек вздрогнул. Михаил Петрович стоял в дверях, опираясь на лопату, и смотрел вслед девушке.

— Кто она? — произвольно вырвалось у Славы.

— А бес её знает, — старик пожал плечами. — Ходит, ходит, давно уже ходит.

Он замолчал, глядя, как девушка скрывается за поворотом.

— Ты вот что.... — сказал он, но недоговорив, наотмашь махнул рукой. Эээ... у каждого своё.

IV

Она часто ходила к одной и той же могиле. Менялись цифры в календаре, времена года, погода.

Дорогу могла пройти с закрытыми глазами, иногда, когда совсем неумоготу, и два раза на дню, утром и вечером приезжала, будто проверяя, не случилось ли чего за ночь. Каждая надпись была знакома на пути к «её» могиле, вот «покойся с миром Наденька — любимая доченька», дальше чета Уваровых 6 человек, затем широко улыбающийся местный авторитет Пегас «легенда живёт вечно», пару крестов, а после...

Сегодня был обычный день. Солнечный, почти тёплый. Гравий хрустел под ногами привычно. Сосны по краям дорожек шумели ровно, без надрыва. Где-то птица крикнула и смолкла, та самая заблудшая ворона.

Калитка на 14-ый участок всегда была чуть приоткрыта специально для неё. Или так совпадало. Яна не думала об этом, хотя всегда закрывала за собой. Скрипнула. Участок аккуратно убран. Ни травинки лишней, ни мусора. Она сама убиралась, сама полола, красила оградку. Здесь было чище, чем в её собственной квартире.

Надгробие — чёрный гранит, неброский, без пафоса. Гравированный портрет мужчины, с лёгкой улыбкой и внимательным, будто живым взглядом.

Каслер Марк Валерьевич. В прошлой жизни актёр. В этой просто имя на камне и несколько цифр.

— И снова я, Марк Валерьевич, — тихо сказала Яна.

Здесь, среди могил, громко не говорили — нарушался какой-то негласный закон. Яна присела на корточки, положила цветы к основанию надгробия. Розы легли на гранит, как на подушку, бережно. Сочные листья загородили последние цифры, оставив на виду дату рождения.

Из кармана пальто достала мятую пачку дешёвых сигарет. Одну зажала зубами, вторую положила на лавку у калитки — ритуал. Он всегда так делал в антрактах. Выходил на улицу, садился на лавочку у служебного входа и курил, глядя в небо. Иногда к нему подсаживались, иногда нет.

Нет, она не застала те времена. Только знала со слов знакомых и из тех редких статей, что хранили память о былой славе.

— Ничего не изменилось, — сказала девушка, чиркнув зажигалкой. Огонь лизнул кончик сигареты, та зашипела, зажглась, в воздухе появился терпкий запах дыма. — Всё так же играем пьесу... да только, — она выдохнула дым в сторону, чтобы не летел на памятник, — результата ноль.

Мягкая ткань рукава стёрла пару пылинок с мрамора. Портрет на памятнике с глубоким взглядом всегда казался живым. Не потому, что может заговорить или вот-вот моргнёт, а потому, что от него веяло жизнью, разрушенной и короткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.